

# «И истину царям с улыбкой говорить»



Завтра исполняется  
250 лет со дня рождения  
Г. Р. Державина

В один из жарких дней июня 1767 года, в начале «золотого века» Екатерины Великой, в стольном городе Москве недалеко от Никитских ворот карету четвернею, в которой ехали трое родственников, вдруг остановили трещотки (теперешние милейские свистки). Окружили ее бутошники, схватили под уздцы лошадей и, не объясняя ничего, повезли через весь город в полицию.

Больше недели провел в грязной камере тогдашнего КПЗ вместе с ушкуйниками молодой человек в форме сержанта лейб-гвардии Преображенского полка, отбываясь от абсурдных обвинений «в зазорных с девкою обхождении», пока его не выпустили «со стыдом» (написав при этом «телегу» в канцелярию полка). Так впервые познакомился с нравами полиции и судей России будущий ее министр юстиции и великий поэт эпохи Гавриил Романович Державин.

Для интереса приведу перечень и других его будущих должностей, который впоследствии составил сам Державин в автобиографических «Записках...» (переизданных, кстати, всего несколько лет назад спустя столетие после последней публикации): «статс-секретарь при императрице Екатерине Второй, сенатор и коммерц-коллегии президент, потом при императоре Павле член верховного совета и государственный казначей, а при императоре Александре министр юстиции, действительный тайный советник и разных орденов кавалер...» Добавлю от себя — в разное время губернатор Олонецкой и Тамбовской губерний, член Секретной комиссии по поимке разбойника Емельки Пугачева...

«Старик Державин нас заметил И, в гроб сходя, благословил». Вот и все, пожалуй, что мы знали о нем. Да еще то, что сочинял он хвалебные оды. А между тем именно Державин первым вывел русскую литературу в Европу. Его великолепная ода «Бог» моментально была переложена фактически на все ее языки, включая древнегреческий. Да и не только в Европу. В своих «Записках» адмирал В. М. Головин

писал, как он, пленный, читал хозяину-японцу наизусть эту оду. Затем по просьбе последнего она была переведена и написана «кистью на длинном куске белого атласа» и направлена к японскому императору, чтобы быть «выставленной на стене в его чертогах наподобие картины»...

И все же... И все же он сочинял стихи «от должности в часы свободны». Главным для себя Державин считал государственную службу. Карьера на этом поприще его была трудной и долгой, не обещающая блестящего будущего. Выходец из почти нищей дворянской семьи из-под Казани, он был зачислен простым солдатом в Преображенский полк. И только после десяти лет изнурительной службы в караулах при дворе произведен в прапорщики. Далее следует эпизод биографии поэта, не упоминавшийся почти в учебниках истории.

Служба в гвардии требовала больших денег и их постоянных поисков. Однажды Державину представилась возможность отличиться. Из услышанного им случайно разговора Екатерины II с генерал-аншефом Бибиковым Державин узнает о готовящейся экспедиции для усмирения Пугачевского бунта и упрощает генерала взять его с собой.

Оромантический советскими историками не без помощи наших писателей образ очередного самозванца, претендента на российский престол, «крестьянского царя» Емельяна Пугачева, развязавшего новую гражданскую войну и смуту, опустошенных восточных губерний, требует отдельного и беспристрастного разговора. Замечу, однако, что, отправляясь за «вором и разбойником» в оренбургские степи, Державин искренне и, возможно, справедливо считал с исторической точки зрения, что, отстаивая трон Екатерины, он спасает тем самым Отечество. Так же считал и Суворов...

Несколько лет отчаянно гонимый по заводским городам и весям Державин за «Петром III», ловит, допрашивает его сообщников. И чудом сам не попадает в плен (за его голову «защитник обездоленных» назначил награду в 10 тысяч рублей). Чудом же спасли из плена и престарелую мать поэта...

Номне опять придется повторить: но все же... Не ратные подвиги, а стихи сделали его известным не только всей России, но и вывели на высокие государственные посты.

В 1783 году за оду «Фелица» в честь Екатерины Великой он удостоивается монаршей милости и с этой по-

ры занимает поочередно вышеуказанные государственные должности.

Стихи же не раз спасали его от опалы во времена Павла и Александра. Чего нельзя сказать о его характере. Непримирым гонитель коррупции, взяточничества, казнокрадства, самодурства чиновничества, всегда говоривший правду в глаза государям, он стал, по словам Пушкина, «бичом вельмож».

«Не зальют мне глотки вином, не закормят фруктами, не задарят драгоценностями и никакими алтынами не купят верности моей... и никто меня не в состоянии удалить от пользы государя и своротить с пути законов...»

Впрочем, он мог в порыве воскликнуть в присутствии придворных и Павлу I:

— Ждите, будет от этого дурака толк!

О ненависти к его честной и бескорыстной службе лаконично говорит еще один малоизвестный факт. Посланный Александром I в Белоруссию во время страшного голода, он увидел, что крестьяне мрут не только от отсутствия хлеба. Население спаивали в тысячах корчем и винокурен. Вскоре, после наведения порядка, шинкари и ростовщики наложжили на Державина «херим и проклятие», собрали миллион рублей и послали их в Петербург для смещения его с должности, «а ежели того не можно, то хотя покуситься на его жизнь, на что и полагается сроку до трех лет...»

Последнему замыслу не суждено было сбыться. Ибо вскоре как-то государь сказал поэту:

— Ты очень ревностно служишь!..

И Державин ушел в отставку с государственной службы. Но остался еще пост Первого поэта России, вечно воспевателя подвигов ее воинства, ее полководцев: Суворова, Кутузова, Потемкина. И не затмило время этих бессмертных гимнов:

**Гром победы раздавайся!  
Веселись, храбрый Росс!  
Или:  
А слава тех не умирает,  
Кто за отечество умрет...**

Эти стихи широко известны. Не известна многим пока жизнь и судьба поэта. Хотя они так же удивительны, как его стихи. Всю жизнь словом и службой он стремился, как писал Гоголь, «начертать образ какого-то крепкого мужа, закаленного в деле жизни, готового на битву и не с одним каким-нибудь временем, но со всеми веками; изобразить его таким, каким он должен был возникнуть, по его мнению, из крепких начал нашей русской породы, воспитавшись на непоколебимом камне...»

По-моему, Державину это удалось.

**Игорь ЯДЫКИН,  
«Красная звезда».**